

Проспал всего часа два, а проснувшись, начал заново переваривать полученную информацию. Я понимал, что мои малодушные размышления о новом перерождении, это просто стариковское ворчание, уж с самим собой надо быть всегда честным. Выбора нет, придется приложить все силы для борьбы, но во что бы то ни стало остановить этого Дамблдора и его организацию, а он ведь явно не один действует – в самом негативном для меня варианте учителя Хогвартса и большая часть Визенгамота преданы лично ему. Про канцелярских крыс можно и не вспоминать, если уж высший судебный орган не выполняет своих функций и творит все, что заблагорассудится Верховной шишке, то чиновников никто не одергивает, и коррупция в их рядах давно вышла за рамки здравого смысла.

Но деваться некуда, не то чтобы мне Британия была так дорога, меня ведь действительно можно назвать общечеловеком, не за толерантность, которой я сроду не страдал, а за то, что за многочисленные свои перерождения я кем только не был. Я рождался на всех континентах, кроме Антарктиды, и даже на мифической ныне Атлантиде мне довелось появиться на свет, хотя континентом бы я ее не назвал, скорее крупный остров размером чуть меньше Гренландии. Все дело в Хогвартсе. Вам, современным людям, этого не понять, но я родился в первый раз, да и пару десятков последующих рождений не сильно от первого отличались, в те времена, когда знаний почти никаких не было, те крохи, что перепали от старшего поколения, были настолько мизерными, что даже вспоминать о них больно. Все приходилось познавать самому, экспериментируя, жуя всякие травки, грибочки, плесень и прочие малоприятные «дары» природы, чтобы расширить сознание, чтобы понять, как эти самые дары действуют на организм. Не всегда подобные «исследования» заканчивались благополучно. Не единожды я умирал, порою мучительно, из-за употребленной внутрь ядовитой плесени. За развитие всегда приходилось платить кровью. А когда появились письменные источники знаний, я испытал сильное потрясение. Оказывается начертанные символы можно использовать не только в качестве примитивных оберегов, но и для передачи опыта и знаний. Потом появился институт передачи знаний от учителя к ученику, не то чтобы раньше подобного не было, просто те крохи знаний, что передавались раньше, смотрятся откровенно жалко. Теперь же ученые мужи и жены собирали свои библиотеки, не бумажные изначально, а обычные глиняные пластины с записями. Они же позволяли ученикам копировать эти записи/библиотеки, обмениваться между собой. Только несколько тысячелетий спустя зародилась мысль создать одно место, где соберутся несколько знающих и сообща будут передавать знания сразу многим ученикам и собирать одну общую библиотеку, хотя слова тогда подобного и не было, скорее это была сокровищница знаний, тем более и охранялась она пуще всяких золотохранилищ. Я до сих пор испытываю благоговейный восторг при мыслях о школах. И если обычную неволшебную школу организовать относительно легко, хотя я все равно с удовольствием ходил в младшую школу Литтл-Уингинга, а свободное время старался просиживать в школьной библиотеке, «просматривая картинки в книгах», ибо оценки у меня всегда были чуть выше проходного балла в следующий класс, паранойя наше все, вдруг шпионы вражеские и табель школьный проверяют, на предмет уточнения интеллектуального уровня будущего «героя», то магические школы всегда были редкостью. А ведь волшебную школу можно разрушить двумя способами: снаружи – как правило, безумные боги или великие маги делали это, безумцу же наплевать, что за это он будет лишен права на перерождение и заточен в глубины Серых пределов на вечные муки, даже если он бог; второй вариант – гипотетический. Раньше о реализации подобного я не слышал даже – школу магии можно разрушить изнутри. Тот, кто обладает достаточной властью над источником, но при этом не приносил сдерживающей клятвы, может разрушить или подчинить источник и использовать в своих целях, переводя его из школьного в личный/родовой. Считалось, что такая ситуация попросту невозможна, ведь для этого маги государства, чьим достоянием является школа

магии, должны сознательно подставиться и рискнуть главным сокровищем своей нации – своими детьми, своим будущим.

Если до встречи с Хагридом я думал, что получу в Хогвартсе помощь и переиграю преступника, а в качестве дополнительного приза получу мантию, то теперь приоритеты меняются, в целом, ситуация катастрофическая, но школу магии я не брошу на съедение шакалам.

Мои мрачные размышления прервал стук по окну. На подоконнике сидела сердитая сова с зажатой в клюве газетой и стучала когтем в окно. Пришлось вставать и впускать почтальоншу. Сова тут же скинула бомбу/газету на Хагрида, хотя будь ее воля, она бы предпочла тактику голубей и угостила бы великана отнюдь не газетой. Потом она налетела на дизайнерскую шубу в остервенелой попытке уничтожить сей шедевр, который явно коробил эстетические чувства умной птицы (явно ее уровень интеллекта был повыше, чем у спящего на софе маргинала), а может быть, она мышей почуяла, о которых вчера упоминал хранитель ключей. Ладно, пора будить «сопровождающего»:

— Хагрид! — громко позвал я. — Тут сова...

— Заплати ей, — проворчал Хагрид, уткнувшись лицом в софу.

Так она не мышей искала, а деньги – какая меркантильная птица. Мое удивление в следующем вопросе было даже не наигранным:

— Что?

— Она хочет, чтоб мы ей денег дали за то, что она газету притащила. Деньги в кармане.

Он это намекает, что я должен поискать в этой меховой тряпке, состоящей из одних карманов, деньги? Не, я на такое не согласен, у него там и капкан взведенный затеряться может. Поэтому я предпочел разбудить великана и оставить расчеты на него. После титанических усилий Хагрида отсчитать пять монеток, сопровождающиеся натужным кряхтением, шевелением губами, попытками наморщить лоб и загибанием пальцев и все это под недоумевающим взглядом совы... это, похоже, откаты не только по магии ударили, но и мозги все поотшибали. Дальше сей потомок титанов проводил глазами улетающую сову, «незаметно» приложившись к бутылке, (сколько же у него горючего по карманам запасено?), выдал:

— Пора идти, Гарри. У нас с тобой делов куча, нам в Лондон надо смотаться, да закупить тебе всяких штук, которые для школы нужны.

Насчет того, что «делов кучу» мы наворотим, я не сомневаюсь. С таким колоритным персонажем тут даже сомнений быть не может. Ладно, пора намекнуть на финансовый вопрос, только поделикатнее:

— М-м-м... Хагрид?

— А? — Хагрид натягивал свои огромные башмаки.

— У меня нет денег, и вы... ты слышал, что сказал вчера вечером дядя Вернон. Он не будет платить за то, чтобы я учился волшебству.

— А ты не беспокойся. — Хагрид встал и почесал голову. Оттуда явно послышалось чье-то попискивание. — Ты, что ли, думаешь, что твои родители о тебе не позаботились?

Я в этом абсолютно уверен, ведь родился я в очень защищенном родовом доме, в котором проживали потомственные артефакторы-параноики (от Певереллов паранойя по наследству досталась, а у последних врагов было много). Там защита внешнего периметра круче Хогвартской должна быть, ее ведь больше тысячи лет совершенствовали. А потом, после моего первого дня рождения, переехали в какую-то лачугу, на которой защиты в принципе не было. По воспоминаниям, мой отец долго уговаривал маму, что так безопаснее, что там нас никто искать не будет. Ага, маразм крепчал. Я бы хотел посмотреть на мазохиста-суицидника, который бы решился атаковать Родовой дом Поттеров. Я бы не рискнул, в прошлой жизни, хоть и не видел этот дом, зато я видел гнездо Певереллов – слишком талантливые артефакторы на протяжении многих поколений совершенствовали защиту дома. Продолжим строить идиота:

— Но если от их дома ничего не осталось...

— Да ты чо, они ж золото свое не в доме хранили! — отмахнулся Хагрид. — Короче, мы первым делом в «Гринготтс» заглянем, в наш банк. Ты съешь сосиску, они и холодные очень ничего. А я, если по правде, не откажусь от кусочка твоего вчерашнего именинного торта.

Не люблю гоблинов, потом объясню почему. Да и надо бы съехать с темы вчерашних сосисок, я их есть не рискну, так что, продолжаем представление:

— У волшебников есть свои банки?

— Только один. «Гринготтс». Там гоблины всем заправляют.

Я удачно уронил кусок сосиски, который держал в руке, удачно получилось:

— Гоблины?

— Да, и поэтому я тебе так скажу: только сумасшедший может решиться ограбить этот банк. С гоблинами, Гарри, связываться опасно, да, запомни это. ПОЭТОМУ если захочешь... э-э... что-то спрятать, то надежнее «Гринготтса» места нет... Разве что Хогвартс. Да сам увидишь сегодня, когда за деньгами твоими придем — заодно и я там дела свои сделаю. Дамблдор мне поручил кой-чего, да! — Хагрид горделиво выпятил пузо. — Он мне всегда всякие серьезные вещи поручает. Тебя вот забрать, из «Гринготтса» кое-что взять — он знает, что мне доверять можно, понял? Ну ладно, пошли.

Я так понял, мне сейчас самый секретный секрет выболтали, причем я об этом даже не спрашивал. Ну, понятно тогда, какие поручения доверяют сему доверенному лицу. Насчет того, что Гринготс никогда не грабили, — это откровенное вранье. Их с завидной периодичностью обносили. Правда, в основном сейфы на верхних ярусах, но все же. У гномов банк надежней, да и слово они всегда держат – мастеровитый, честный и трудолюбивый народ. А у гоблинов высшей доблестью считается обмануть представителей иных рас, а желательно подставить еще. Любой договор с гоблином надо заключать очень осторожно, с перестраховками, и магический контракт составлять без лазеек, иначе, поместив в их банк золото, рискуешь в итоге еще должным остаться. Вы думаете, так называемые, гоблинские восстания были направлены против людей? Да как же, они в эти военные компании гномов резали, ну и лепреконов, если те попадались по пути. Ведь почти все здравомыслящие разумные предпочитали пользоваться услугами гномьего банка. Вот их действительно почти никогда не грабили, в мастерстве создания артефактой защиты они были очень сильны. А те несколько случаев, когда их все же ограбили, можно пересчитать по пальцам одной руки, да и там все было печально. Вообще трудно что-то противопоставить вломившемуся в банк среде бела дня Великому Магу. Да и сами гномы основательный и неконфликтный народ, не любят

они воевать. А гоблины напротив, квинтэссенция войны и разрушения, у них всегда отлично получалось артефактное оружие, проклятые вещи и пакостные ловушки создавать, да и пустить кровь врагам они любят, а враги у всякого уважающего себя гоблина — это представители любой расы, кроме гоблинской. Хотя и свои подковерные интриги у них есть, а отравы в еде соперника или нож в спину вполне обычное дело в борьбе за теплое местечко в банке. Еще был банк лепреконов, но они совсем прохиндеи. Правда их ограбить еще никому не удалось. С ними можно иметь дело, если лепреконы понимают, что облапошить тебя смерти подобно. Так что некоторые великие вполне доверяют лепреконам свое имущество на сохранение. Титанов тех же и сидов они тоже никогда не обманывали. Кстати, еще одно отличие гоблинов и гномов состоит в ареале их обитания. Гномы предпочитают селиться на поверхности, под землей у них только хранилища, шахты и некоторые мастерские, а жилые дома всегда под открытым небом, вот гоблины их и резали вне защищенных банковских стен и пещер. Гоблины же, наоборот, не любят открытые пространства и живут под землей, где их очень сложно достать. В итоге гоблины своими восстаниями выжили гномов на континент, а сами монополизировали банковский рынок. Маги конечно взвыли, но было поздно.

Что-то я опять отвлекся. Когда мы вышли из «дворца», я не заметил никаких транспортных средств, кроме лодки, на которой мы вчера приплыли, и задал закономерный вопрос:

— А как ты сюда попал?

— Прилетел, — ответил Хагрид.

— Прилетел? — главное побольше удивления в голосе.

— Да... не будем об этом. Теперь, когда ты со мной, мне... э-э... нельзя чудеса творить. — Вот это логика, может нам пешком добираться дальше по нашим делам?

В итоге, лодку я отвоевал для родственников, и ее по мановению зонтика Хагрида понесло обратно к острову, после нашей переправы. Путешествие в Лондон заслуживает отдельной эпичной саги, которую бы с удовольствием сложил бы любой скальд. Правда меня покорило рассуждение великана о драконах. Он о них как о домашних питомцах рассуждал. Как можно сравнивать представителя древней расы мудрецов с банальными песиками. Эх, где-то сейчас Горыныч, головастый дракон, во всех смыслах этого слова. С ностальгией вспоминаю наши посиделки за бокалом вина, ну, в смысле, у меня бокал вина, у Горыныча бочка со специальной настойкой, и все это на высоком обрывистом берегу моря на закате, под неспешный разговор. Красота. Еще мне понравилось чистосердечное признание о том, что глава исполнительной власти, министр, является комнатной собачонкой Дамблдора, выполняющей все его приказы, и тут же критика действий министерства, пляшущего под ту же дудку. Т.е. Дамблдор — он Великий человек, но его законопроекты, выпускаемые под редакцией министерства, преступны. И поэтому во всем виновато именно министерство - вот это логика.

— Пришли, — произнес Хагрид, остановившись. — «Дырявый котел». Известное местечко.

За свою жизнь я повидал немало низкопробных питейных заведений, но в этом веке в центре Лондона встретить этот кошмар СЭС я не ожидал. Каких нечеловеческих усилий мне стоило не сбежать из этого «известного местечка», когда собраты по бутылке Хагрида накинулись на меня, выражая «восхищение», знает только Магия.

Вперед выступил бледный молодой человек, он очень нервничал, у него даже дергалось одно веко, хотя я бы тоже нервничал, если бы был одержим ущербным духом-паразитом, который медленно убивает мое тело.

— Профессор Квиррелл! — представил его Хагрид.— Гарри, профессор Квиррелл — один из твоих будущих преподавателей.

Вот это поворот, все еще хуже, чем я думал. Одержимый, алчущий бессмертия любой ценой, сумасшедший дух Волдеморта (имя-то мне Хагрид сообщил, да и реакция крестража во мне, сомнений не оставляла) в школе, полной детей, на должности преподавателя! Дамблдора, с его играми, надо остановить как можно быстрее, вот только дергаться мне пока нельзя — дилемма.

— Какой раздел магии вы преподаете, профессор Квиррелл? — я же наивный ребенок, мне должно это быть интересно.

— Защита от Т-т-темных искусств, — пробормотал Квиррелл с таким видом, словно ему не нравилось то, что он сказал. — Н-не то чтобы вам это было н-нужно, верно, П-п-поттер? — Профессор нервно рассмеялся. — Как я п-понимаю, вы решили п-приобрести все н-необходимое для школы? А мне н-нужна новая к-книга о вампирах.

Вид у него был такой, будто его пугала сама мысль о вампирах. А чего их бояться, ты либо разошелся с вампиром мирно, либо достаточно силен, чтобы не бояться агрессии с его стороны. Либо ты труп. Убежать от вампира на охоте будет сложновато, а те, кто все же могут провернуть такой фокус, бежать не будут — им нечего опасаться столь слабых противников.

— Пора идти... нам надо еще кучу всего купить. Пошли, Гарри. — Ну, хоть какая-то польза от великана.

— Ну, что я тебе говорил? — Хагрид ухмыльнулся.— Я ж тебе сказал, что ты знаменитость. Даже профессор Квиррелл затрясся, когда тебя увидел... хотя, если по правде, он всегда трясется.

— Он всегда такой нервный? — надо же уточнить, давно он является передвижным домиком Волдеморта, фу, ну правда же собачья кличка.

— Да. Бедный парень. А ведь талантливый такой, да! Он пока науки по книгам изучал, в полном порядке был, а потом взял... э-э... отпуск, чтоб кой-какой опыт получить... Говорят, он в Черном лесу вампиров встретил, и еще там одна... э-э... история у него произошла с ведьмой... с тех пор он все, другим совсем стал. Учеников боится, предмета своего боится... Так, куда это мой зонт подевался?

Если бы он вампиров встретил, то уже ничего не вел, а ведьмы они такие, ничем от остальной части прекрасной половины человечества не отличаются. Я за 30 тысяч лет жизни так и не научился их понимать до конца.

— Три вверх... два в сторону, — бормотал он. — Так, а теперь отойди, Гарри.

Кирпичи быстро расступились, образовав арку. Ничего примечательного, дешевый трюк.

— Добро пожаловать в Косой переулок, — произнес Хагрид.

И что, мы тут будем закупаться? Мда, раньше я про это местечко не слышал, хотя мои сведения устарели на 4 века. Я вообще не ожидал, что мы попадем в кривую улочку, запрятанную в большом городе. Я думал, мы в одно из первых магических поселений отправимся. Это я сейчас про деревушку со звучным названием Мерлиновы Подштанники. Да, чувство юмора у британцев тех времен было своеобразное. Образовалось магическое поселение и как-то разбилось на две части, не помню уж из-за чего. Получалось крупное

подворье с колодцем и от него две улочки отходят под небольшим углом друг к другу. Названия у деревушки не было, а тут один из неместных магов прилетел к ним, устраиваясь на постой. Да в процессе столования возьми да и ляпни, деревенька-то ваша как называется, а ему в ответ, дескать, не придумали еще названия, все договориться меж собой не можем, рассуди, мол, ты человек посторонний, беспристрастный. Ну он и рассудил, что раз с воздуха деревня похожа на подштанники, то так ей и зваться, а для придания эпичности пусть Подштанники будут не простые, а Мерлиновы, в честь старого злодея Мерлина (знатное ругательство получилось вместо названия деревни). Как уж он убежал от «благодарных» жителей, история умалчивает. Но весть о названии этой деревни он разнес по округе, так и повелось, что вопреки желаниям местных жителей деревню никто иначе не называл. Мерлин, к слову, был одним из тех, кто пытался реализовать шумерскую схему последним, на моей памяти. Правда он немного видоизменил сюжет и вместо ребенка-мага взял дитя королевской крови, но в остальном все оставил неизменным. Хорошо, что его Моргана достала, мне даже не пришлось с ним разбираться, а имя Мерлина еще долго в качестве ругательства поминали. Тем больше было мое удивление, когда я легенду про короля Артура в школьной библиотеке нашел, где Мерлин был показан добрым волшебником. Это же ужас. Сильно подозреваю, что решение «канонизировать» Мерлина и при этом оболгать Моргану – превосходную целительницу, было принято по политическим мотивам. Ведь Мерлин был британцем, а Моргана из Бретани, т.е. французенка. Вот при очередном обострении конфликта с заклятыми соседями в чью-то «светлую» голову и пришло переписать историю и выставить Мерлина благодетелем, а не убийцей детей и преступником, а одну из величайших целительниц своего времени Моргану – злобной ведьмой, рвущейся к власти. Вот из-за таких политиков история постоянно переписывается. А ее уроки забываются. Кстати, сейчас столь колоритное название кануло в лету. Дело в том, что недалеко от Мерлиновых Подштанников был родовой дом Гриффиндоров и после смерти Годрика жители деревни подсуетились и сменили название на Годрикову впадину. Над ними еще некоторое время шутили конечно, но название в честь одного из основателей прижилось, ибо их очень уважали.

Пока я предавался воспоминаниям мы подошли к Гринготсу, хорошо, что, даже глубоко задумавшись, я продолжал играть роль и удивленно охал и ахал, крутя головой во все стороны.

— «Гринготтс», — с гордостью объявил Хагрид, как будто сам строил этот банк. Внутри, за длинной стойкой около сотни гоблинов важно создавали видимость работы, ага – монеты взвешивали, и драгоценные камни демонстративно рассматривали в лупы. Как будто тех артефактов, что были встроены в их рабочие места, мало для определения подлинности монет и анализа камней на всевозможные параметры.

Хагрид подвел меня к «свободной» стойке.

— Доброе утро, — обратился Хагрид к гоблину. — Мы тут пришли, чтоб немного денег взять... э-э... из сейфа мистера Гарри Поттера.

Гоблин окинул нас презрительным взглядом, причем меня он, похоже, презирал даже больше недалекого великана.

— У вас есть его ключ, сэр?

— Где-то был, — ответил Хагрид и начал выкладывать на стойку содержимое своих карманов. Лучше бы он этого не делал. Стоп. Какой ключ?

— Нашел, — наконец сказал Хагрид, протягивая крошечный золотой ключик

Гоблин изучающе посмотрел на него.

— Кажется, все в порядке.

Приплыли, с какой радости «наследство, которое оставили мне родители» содержится в сейфе для бедных? Поясню мысль – ключи для доступа к своему имуществу в банке идут только к сейфам на предъявителя, самым слабозащищенным и следовательно дешевым. Причем, владельцем подобного сейфа вполне легально является тот, у кого находится ключ. Невзирая на методы его получения – хоть украл или снял с трупа, для гоблина ты истинный владелец, раз у тебя находится ключ. А теперь вспомним историю. Игнотус Поттер (Певерелл) был очень рассеянным человеком в повседневной жизни и мало уделял внимания бытовым, юридическим и экономическим вопросам. Что сказать – увлекающаяся личность. Превосходный артефактор и исследователь. О своих недостатках Игнотус знал и потому предпринял сразу после основания рода необходимые меры. Как некромант, хоть и не сильно увлекающийся этой гранью магии, он призвал старшего духа (не путать с младшим – домовиком) и заключил с ним договор. Духа он призвал весьма хитро...умного. Да что там, по сравнению с этим духом гоблины и лепреконы наивные аккадские юноши. В общем, этот дух стал бессменным поверенным рода Поттер. О чем потомки Игнотуса ни разу не пожалели и всегда вспоминали предка с уважением. Учитывая, что именно один из Поттеров создал каминную сеть и по бессрочному договору, за каждый установленный камин и за каждую порцию проданного летучего порошка роду отходит десятина.... А ведь роду принадлежали многочисленные артефактные мастерские, они даже метлами, столь любимыми в Западной Европе, занимались. Своя мастерская по производству метел называлась, кажется, Нимбус. А ведь и за пределами Европы у них были мастерские, да что там, они под заказ такие шедевры делали. Чего только стоит эксцентричный заказ Главы рода Щукиных, которому вынь да положь самоходную печку – и ведь сделали. Только до конца 16 века, когда я в спячку лег, четверо представителей рода были главами гильдии Артефакторов, заметьте, любая магическая гильдия — общемировая организация. Да они богатейший род в Европе, как минимум, с такими-то талантами и поверенным. Не зря же именно Поттера выбрал в качестве будущего тела этот Белый Шмель. Видно все уже схвачено, но даже мой опекун не имеет доступа ко всем семейным активам, а гоблины меня однозначно списали со счетов. Получить доступ, конечно, можно и сейчас, дух-поверенный Поттеров изрядно гоблинам крови попортил, и договор заключил однозначно на выгодных для рода условиях. Но мой опекун в тот же момент узнает о моем самоуправстве. Нет, не надо спешить.

Пока мы шли к тележкам, я задал закономерный для любого ребенка, да и взрослого вопрос:

— А что такое это Вы-Знаете-Что в сейфе семьсот тринадцать?

— Не могу я тебе сказать, — таинственно ответил Хагрид. — Очень секретно. Это школы «Хогвартс» касается. Дамблдор мне доверяет. А я своей работой слишком дорожу, чтобы секреты тебе раскрывать.

Да, уровень секретности зашкаливает. По дороге на тележке я всячески демонстрировал свое восхищение.

Хагрид был весь зеленый. Когда тележка, наконец, остановилась перед маленькой дверью в стене, он выбрался из нее, прислонился к стене. А пить надо меньше. Крюкохват отпер дверь. Изнутри вырвалось облако зеленого дыма, а когда оно рассеялось, я ахнул. Внутри была жалкая кучка золотых монет. Немного серебряных и бронзовых. Да они издеваются, тут даже 5 тысяч нет по факту. Я конечно еще не разбираюсь в современных ценах, но что-то мне подсказывает, что они скорее возросли за минувшие века, чем просели.

— Это все твое, — улыбнулся Хагрид. Если бы не знал об умственных способностях этого маргинала, подумал бы, что он издевается. А вот гоблин, судя по ухмылке, действительно злорадствует. Ну подожди, морда зеленая, я и Вам праздник устрою со временем, еще долго меня шепотом поминать будете.

— Золотые — это галлеоны, — пояснил он. — Один галлеон — это семнадцать серебряных сиклей, а один сикль — двадцать девять кнатов, это просто, да? Ладно, тебе этого на пару семестров хватит, а остальное пусть тут лежит. — Он повернулся к Крюкохвату. — А теперь нам нужен сейф семьсот тринадцать... и... э-э... пожалуйста, нельзя ли помедленнее?

Только гоблины могли ввести такую странную систему обмена монет разного номинала, чую, на этом они неплохо навариваются, благодаря разнице в цене серебра, золота и бронзы.

Дальнейшее путешествие к таинственному сейфу я придерживался поведения восторженного туповатого ребенка, попавшего в сказку. Даже гоблин мне поверил, отлично. Значит не растерял я актерские навыки, а то Хагрид совсем не показатель. Как демонстративно таинственно великан забирал сверток из сейфа, достойно выступления лучших клоунов Британии. Обратная дорога на поверхность пролетела быстро.

— Ну что, надо бы купить тебе форму, — заметил Хагрид, кивнув в сторону магазина с вывеской «Мадам Малкин. Одежда на все случаи жизни». — Слушай, Гарри, ты... э-э... не против, если я заскочу в «Дырявый котел» и пропущу стаканчик? Ненавижу я эти тележки в «Гринготтсе»... мутит меня после них.

Я, конечно, согласился, хотя перспектива ходить дальше с упившимся хранителем ключей меня не сильно вдохновляла. В магазине одежды меня сразу взяли в оборот, даже слово не дав сказать. Я только кивать и утвердительно мычать успевал. Ничего себе культура обслуживания. Помимо меня в ателье был ребенок, скорее всего мой ровесник. Сразу видно — из магического Рода, и подпитка есть и куча проклятий в довесок. С благодарностью помянул предков своего нового воплощения — у меня кроме родового проклятия, ухудшающего зрения, никаких довесков больше не было. Кстати, у моего будущего однокашника явно не все в порядке с наследственностью было, такое ощущение, что его предки практиковали близкородственные браки. Звучит бредово, но признаки соответствующие есть.

— Привет! — сказал мальчик. — Тоже в Хогвартс?

— Да, — не стал я отрицать очевидное.

— Мой отец сейчас покупает мне учебники, а мать смотрит волшебные палочки, — сообщил мальчик. Он говорил как-то очень устало, специально растягивая слова. — А потом потащу их посмотреть гоночные метлы. Не могу понять, почему первокурсникам нельзя их иметь. Думаю, мне удастся убедить отца, чтобы он купил мне такую... а потом как-нибудь тайком пронесу ее в школу.

Зачем ребенку палочка я не понимаю, хотя у него такого ужаса, как у меня, с магической составляющей не было, он рассуждал о покупке костыля. Нормальное обучение, которое должно начинаться с 8 лет (и у моего нового знакомого, похоже, так и было, хотя методики использовались какие-то кривые, так что для 11 лет его ядро и каналы все же недоразвиты, хоть все и не так плачевно, как у меня), включает в себя упражнения на концентрацию, контроль и развитие памяти и воображения. По мере развития всех перечисленных составляющих развиваются каналы (гибкость, пропускная способность), ядро начинает структурировать энергию внутри себя и выплескивает ее уже не в виде случайного стихийного

выброса, а вполне осознанного волевого усилия со стороны ученика. Разучиваются разные плетения из разных направлений магии – чем их больше, тем лучше. Ученик должен быть универсален, хоть потом он и выберет специализацию (или реализует родовой талант, в случае принадлежности к оному), но гибкость мышления и ядра с каналами останется с ним на всю жизнь и он сможет легко применять плетения из других направлений магии, пусть и не на уровне мастера, но все же. По достижении 17 лет и становления ученика в качестве взрослого мага он уже полностью будет контролировать свою силу. Тогда начинают обучать работе с концентраторами. Видов концентраторов изобретено огромное множество, я предпочитаю посохи, жезлы и кольца. Кто-то использует браслеты, тиары или специальные концентраторы в виде оружия. Палочки изобрели лет 600 назад. Это концентраторы эконом-класса, проводят мало энергии, еще и трансформируют в процессе в какой-то один вид энергии, максимум в два вида. Из плюсов только то, что сделать палочку на коленке любой неуч может – она проста, как дубина. Для деревни сойдет, т.е. для той же слабой деревенской знахарки, которая только лечит, палочка с волосом единорога хорошее подспорье. Вот меня и удивляет наличие волшебной палочки в списке необходимых покупок для первокурсника. Может для наглядного пособия, какие концентраторы не стоит даже в руки брать, но зачем каждому ребенку?

— А у тебя есть своя собственная метла? — продолжал блондин.

— Нет. — Никогда подобными глупостями не увлекался.

Потом он стал рассуждать о квиддиче. Раз уж я не люблю метлы, то про квиддич даже и упоминать не стоит. Потом он меня про факультеты спросил, а что тут думать – я артефактор и некромант, однозначно к последователям Ровены, ведь именно на ее факультете углубленно изучают артефакторику, рунистику и ритуалистику. Факультатив по некромантии школьный, для тех, у кого есть соответствующий дар. Некромантию, в отличие от большинства магических дисциплин, просто так изучить нельзя. Тут дар от Смерти надо иметь – родовой, дарованный за заслуги или врожденный, что у Обретенных бывает. Та же история с Магией Жизни и с Природной магией. В этом контексте утверждение потомственного мага о том, что никто не знает, на какой факультет поступит – глупость. Обретенные еще могут выбрать факультет, если нет врожденной предрасположенности, потомственные маги с ярко выраженным наследием попадают туда же куда и родители. Про Равенкло я рассказал. На Гриффиндоре углубленно изучают демонологию и боевой аспект магии, на Хаффлпафе упор на магию крови идет, там же факультатив по магии природы и жизни, хотя он тоже общешкольный. Слизерин – зельеварение и алхимия. Общий уклон школы превращение и демонология, как я уже говорил, поэтому Гриффиндор немного привилегированный факультет – у них демонология углубленнее преподается. А превращения у всех на одном уровне.

Потом мы обсудили Хагрида, я вынужден был его защищать (не выходить же из образа перед незнакомым ребенком, может это провокация). Ребенок намека не понял и продолжил задавать неуместные вопросы:

— А почему он с тобой? Где твои родители?

— Они умерли, — коротко ответил я

— О, мне очень жаль, — произнес тот, хотя по его голосу нельзя было сказать, что он о чем-либо сожалеет. — Но они были из наших или нет?

Этот вопрос, признаться, поставил меня в тупик, но я рискнул ответить:

— Они были волшебники, если ты об этом.

— Если честно, я не понимаю, почему в школу принимают не только таких, как мы, но и детей не из наших семей. Они ведь другие. Они по-другому росли и ничего о нас не знают. Представь, некоторые даже никогда не слышали о Хогвартсе до того дня, как получили письмо. Я думаю, что в Хогвартсе должны учиться только дети волшебников. Кстати, а как твоя фамилия?

Да я из ступора в этот день выйду??? Хорошо что даже в таком состоянии я продолжаю отыгрывать роль на автопилоте — опыт не пропьешь (хотяяя, подозрительно посмотрел на Хагрида, он, пожалуй, все что угодно пропить может).

От дальнейшего продолжения разговора меня спасла мадам Малкин.

— Все готово, — произнесла она.

— Что ж, встретимся в школе, — бросил мне вслед мальчик.

Такое ощущение, что день этот никогда не кончится. Я расспросил Хагрида о квиддиче. Выслушал несколько маловразумительных восклицаний. Ну и о факультетах само собой поинтересовался. Я даже не удивился почти, выслушав пояснения о факультетах. Оказывается Равенкло для заучек, Хаффлпафф для тупиц, Гриффиндор – факультет добра и света, обитель всех добродетелей, и с какого-то перепуга, мой отец — потомственный равенкловец, учился именно на Гриффиндоре, а Слизерин — это филиал тюрьмы строгого режима и там исключительно будущие маньяки учатся. Миленько так.

Попытался в книжном магазине, в дополнение к учебникам, историю Хогвартса взять: «ох ты, какие красивые картинки». Не преуспел вначале, но в итоге, выклянчил подарок этой книжкой, ну право слово. Не брать же приметную белую сову, да еще и привязанную уже к кому-то. Чтобы моя корреспонденция полностью просматривалась? Хотя, кому мне писать. Но и сова мне не нужна. Я так Хагриду и сказал, что за совой ухаживать надо, писать мне некому, да и побаиваюсь я ее, все же хищная птица. Так что история Хогвартса осела среди моих покупок.

— Ладно, нам только волшебная палочка осталась. В «Олливандер» пойдем, лучшее место для этого. Там тебе такую палочку подберут, закачаешься, да! — и мы пошли за непонятно зачем и кому нужной палочкой.

Магазин находился в маленьком обшарпанном здании. С некогда золотых букв «Семейство Олливандер — производители волшебных палочек с 382-го года до нашей эры» давно уже облетела позолота. В пыльной витрине на выцветшей фиолетовой подушке лежала одна-единственная палочка. Ну да, аж 382-го года до нашей эры. Эти, почти никому не нужные палочки, семьсот лет назад придумали, а уж их производством на моей памяти (т.е. до конца 16 века) никто не занимался. Да и чего там производить, обработка материалов примитивнейшая, сами материалы достать не проблема. Зашли мы в эту обитель скорбных разумом, подождали немного продавца, который «незаметно» подкрался к нам сзади. Результатом было мое наигранное вздрагивание (не раскусили и это радует) и минус один стул-ветеран.

— О, да. — Старичок покивал головой. — Да, я так и думал, что скоро увижу вас, Гарри Поттер. — Это был не вопрос, а утверждение. — У вас глаза вашей матери. Кажется, только вчера она была у меня, покупала свою первую палочку. Десять дюймов с четвертью, элегантная, гибкая, сделанная из ивы. Прекрасная палочка для волшебницы.

Зачем волшебнице палочка? Я вроде не видел в детстве, чтобы родители при мне пользовались

концентраторами, хотя они вообще магией при мне не пользовались. А старик тем временем продолжал вещать:

— А вот твой отец предпочел палочку из красного дерева. Одиннадцать дюймов. Тоже очень гибкая. Чуть более мощная, чем у твоей матери, и великолепно подходящая для превращений. Да, я сказал, что твой отец предпочел эту палочку, но это не совсем так. Разумеется, не волшебник выбирает палочку, а палочка волшебника. — Кто-нибудь заберите меня от этого безумца подальше.

— А, вот куда... — а пальцами невежливо в человека тыкать.

— Мне неприятно об этом говорить, но именно я продал палочку, которая это сделала, — мягко произнес он. — Тринадцать с половиной дюймов. Тис. Это была мощная палочка, очень мощная, и в плохих руках... Что ж, если бы я знал, что натворит эта палочка, я бы...

Это занавес, до меня дошел весь ужас ситуации. Мало того, что обучение начинается в 11 лет, так оно еще и ведется исключительно палочками. Итог простой: магическое ядро почти не развивается, единственный канал, который хоть немного развит, это канал, идущий от ядра в руку. Универсальности ноль, только примитивные заклинания, не удивлюсь, если еще и с размахиванием этой деревянной указкой и выкрикиванием разных матерных слов. Заклинания чуть посильнее в том направлении, которое поддерживает палочка. Все, полный абзац. В Англии, похоже, больше нет магов, есть только придатки к деревянным указкам. И этого они добились за последние 400 лет, максимум.

Дальнейшие действия и диалоги я пропустил, ну то есть, я реагировал машинально на окружающую среду в рамках выбранной роли, но сам я пребывал где-то далеко. Как результат, мошенник от деревянных указок, подобрал «подходящую» мне деревяшку, которая, вот сюрприз, начала фонтанировать искрами и греть руку. Еще бы она не стала этого делать, если на нее соответствующие плетения, реагирующие на мою кровь, навешаны были. Там еще рассуждения о судьбе и о «родственнице» моей палочки промелькнули, которая, вот совпадение, оставила мне шрам. Сказал бы я, кто мне шрам оставил, да нельзя.

Обратная дорога через бар, лауреат премии «самое злочное заведение Англии», прошла под знаменем грустного молчания. Похоже, Хагрид подумал, что это из-за известия о палочке. Ну и хорошо. Потом меня накормили гамбургером, а когда приехал поезд, то Хагрид просто закинул покупки в вагон, дал билет и удалился. Вот это я понимаю, ответственный сопровождающий, даже сомнений не возникло у великана, что я смогу с горой покупок добраться от остановки поезда до дома родственников. Обычных-то денег у меня по идее нет, да и семейство Дурслей не факт, что с острова вернулись. Я бы на их месте вообще в бега отправился – в пампасы.